

История в документах

Фото: В. Поступовой

«Всегда твой Шура...»

За 1920 год Рязанским военно-цензурным отделом было просмотрено 3920400 писем – 154618 заказных писем, 664508 телеграмм. В РязгубЧК было переслано 2072 письма «шпионского и контрреволюционного содержания».

Пять писем из дела с документацией отдела военной цензуры за 1920 год. Изъятые при перлюстрации. Небольшой кусочек жизни 28 октября – 3 ноября 1920 года.

Александр Колышкин – по образованию учитель, работал в Рязани в политделе рязанского гарнизона (чтобы избежать мобилизации на фронт). Коммунистические убеждения ему в целом близки, но возможность вступления в партию он рассматривает скорее как возможность устроить свою жизнь. Борьба с голодом, неустроенность, поголовная неграмотность и недостаток образования даже у командного состава.

Его жена, он называет её Нися (Нина? Наташа? Надя?), осталась в селе Кораблино, и перевезти её в Рязань он пока не может. От жены не приходят ответы на последние письма – разумеется, ведь она их не получала – письма перехвачены цензорами!

Скоро эти письма будут переданы в Губкомпарт, как и его заявление о вступлении в партию – «для сведенья».

Человек, считающий себя толстовцем и выступающий против войны, не может остаться незамеченным, – время свободы мнений и политических пристрастий уже проходит. Ведь Колышкин считает, «...что коммунистам как искателям свободы и равенства непростительно заниматься истреблением человеческих жизней»...

Екатерина МАКАРЕНКО,
Рязансское Общество «Мемориал»

«Рязанское Военно-Цензурное отделение. 14 ноября 1920 года. №170 г. Рязань, в Губкомпарт*.

При сём препровождается письмо и меморандум сего за № 1719/б для сведенья.»

Начальник РВЦО и зав. Секретно-осведомительским отделом.

Отправитель: Рязань. Ташковский политотдел. Колышкин.

Адресат: ст. Кораблино, Ряз. Ур. Ж.д., п/о Маклаковское, учительница Колышкиной.

Письмо первое

(в углу карандашная пометка автора: "Советую письмо по прочтении истребить").

Рязань – Ташково 28 октября

< > Я не знаю кого винить в этом, но меня очень часто гложет тоска, которую никак не могу ничем заглушить!

Смотря сцены, читая такие вещи, как "Милый друг", невольно навевает на себя какую-то тоску так хочется иногда хорошей светлой любви! Так больно ноет сердце, чувствуя себя одиноким брошенным. Расстались с тобой и кажется, что как-то все подорвалось. От тебя не будет писем, как нет до сих пор! Одни только мучительные думы! Лишь изредка мелькают как кинематографические ленты, тени прошлого. Как нас ни притесняли, как нас ни преследовали, но все-таки, так чувствовали себя непринужденно, мы были хозяевами своего положения! Делали все, что хотели! Теперь же совсем другое. Обстоятельства вынуждают откладывать свои намеренья надолго, надолго.

Нися! Я чувствую, что пишу тебе без всякой логики, чувствую что путаюсь в мыслях.

Ну давай поговорим о чем-либо другом. Доехал я благополучно, хотя прозяб. Сел в пять, приехал в 8 час. вечера, в самый раз для дезертира! Все разумеется прошло благополучно! Нынче ходил в город, был у Голощаповых – ни Над. Ив. ни Фед. Кас. не видал.

Встретил одного своего товарища по школе, теперь студент института, Хромова (из Кораблина). Он служит в Губнадзоре заведующим школьно-курсовой секцией, а жена инструктором по детским домам. Говорит, что если я не был бы в армии учителем, то можно было бы меня перетянуть в Губнаробраз. Вот хорошо бы Нися, вместе устроиться в какой-нибудь детский дом. На всякий случай буду поддерживать это знакомство. Приглашал к себе и обещался познакомить с женой. Думаю как-нибудь сходить, конечно, если только разрешишь ты. До твоего разрешения не пойду. Так же встретил Катю Щербакову. Коля пишет, что выезжает в Рязань. Один, первый эшелон уже отправили из Екатеринослава в Рязань, но не известно попали они с ним или нет.

* В документах сохранены орфография и пунктуация подлинника.

Решив не читать больше Мопассана, я имею намеренье заняться чтением литературы в другом направлении. В Толстовском магазине сегодня купил за 500 руб. 3 тома соч. Нагибина (Наживина?) "Моя исповедь", "Воспоминания о Толстом" и в этом духе. Хочу заняться этим. Да еще на меня политком возложил обязанность читать и объяснять "Конституцию", ибо они не могут. Но и я ее еще ни разу не читал. Придется поработать.

Сегодня на меня нашло вдохновение заняться развитием себя. Надо пользоваться моментом. Это может немного отвлечет мои мысли от тебя

Живу ничего. Температура удовлетворительная стала. Ну, Нися, очень хочется о многом поговорить с тобой, но что-то запутался в мыслях.

Кренко, крепко целую. Твой Шура.

Письмо второе

30 октября

Сегодня 30-е, а я еще не отоспал это письмо, написанное два дня тому назад. Как я однажды забыл! Надеюсь, что простишь мне, Нисенька?

Приминой этому то, что не было случая в город, надо необходимо самому, завтра пойду и сдам это письмо.

Сегодня я избран в гарнизонную Комиссию по проведению празднества Октябрьской революции. В состав этой Комиссии вошли: начальник политотдела, военком 4-го полка и я. Большая обязанность возлагается на эту Комиссию. Также я избран председателем такой же Комиссии в Артскладе.

< > Хоть может и будет трудно, но постараюсь показать, что я не дурак, как они привыкли смотреть вообще на беспартийного. Через ? часа будет заседание Комиссии. Постараюсь побольше дать своей инициативы, сверх положенного инструкцией.

Как ты, дорогая моя живешь? Хочется чтобы ты была покойна. На днях политотдел переходит на довольствие в 4 полк, возможно будет лучше хоть немного стол.

Нового ничего нет. Сейчас мыли пол. Ужасно устал - все время вспоминал тебя и удивлялся как эти женщины способны так низко нагибаться и не больно им спину. А тут станешь на колени и одной рукой обопрещься и то спину больно. Интересная была картина, наверное, со стороны, вздохом мыли часа полтора.

Как отношение матери? Насчет полушибка наверное ничего не выйдет, потому что портные шьют партию обмундирования для фронта, следовательно о частном приеме и говорить нечего.

Ну, храни тебя Бог, моя милка.

Сашеня.

Письмо третье

1/XI - 1920

Здравствуй, моя дорогая Сыпочка!

Крепко целую тебя. Прости, что до сих пор не могу отослать это письмо - все не удается. Вчера ходил в город, но виду того, что было воскресенье, сдать письмо не удалось, пойду как-нибудь еще, наверное завтра.

А почему же от тебя нет писем? Ведь тебе сдавать то не так уж неудобно, даже наоборот. Некогда?

Живу, скучаю. Хочу записаться в партию с целью поступить куда-либо учиться.

Очень жаль, что так бесполезно проходит время. Милая! Так скучаю, так неудовлетворенно проходит время. Все время такая тоска, что не знаешь куда деваться.

Часто приходят мысли взять тебя к себе, но боюсь сделать хуже. Как тебе там ни плохо, но здесь может быть хуже.

И уж очень плохо здесь без тебя, дорогая!

День еще так сияет проходит в суете, а уж как приходят сумерки, как сейчас вот например, так грустно, грустно делается. Хочется чтобы ты была здесь.

Темно писать. Если все описывать что переживаешь, то не хватит времени в сутках. Темно. Ничего не видно.

Прощай, милка. Твой Шура. < >

Красноармейцы. Конец 20-х годов, Рязань.

13. Фамилия, имя, отчество
14. Возраст 192 / г. при аресте м. я. от 192 г.
15. За что арестован
16. За что наказан
17. На какой срок с 192 г. по 192 г.
18. Отметка о заслугах
19. Криминальное прошлое
Вып. 192 г. Взят. 192 г. Вып. 192 г. Взят. 192 г. Вып. 192 г. Взят. 192 г.
20. Инвентарь изымается
куз. № 192
21. Печать администрации и подписи конвоийных лиц
ОГА 192

Учетная карточка з/к концлагеря.
Спасский монастырь, Рязань.

Милиционер.
1920-е годы, Рязань.

Здание бывшего Дворянского собрания. 1920-е годы, Рязань.
Фото из архива Евгения Каширина.

Письмо четвертое

2/XI - 1920

Милая Нисенъя! Сейчас было заседание Комиссии. На меня возложили обязанность произвести пражднество в окрестных деревнях Ташкове и Мервине. Сейчас иду туда для уладения с властями вопроса о времени. Проект таков 7-го в 2ч. дня в Ташкове Митинг - Концерт, а вечером лекция моя "Крестьянское движение и 25 октября". Тоже самое 8-го в Мервине. Работы будут пропасть организационного характера, да притом надо готовить лекцию.

Желаю успеха.

Любящий тебя твой Шура.

Письмо пятое

3/XI - 1920

Милая Нисенъя! Никак не могу, чтобы свободное время не употребить на письмо к тебе. Так много дел, нужно готовиться к лекции, а я не могу, чтобы не побеседовать с тобой. Так много накипело на душе, хочется поделиться с тобой.

Тоска, скуча грызет меня. Последнее время все проходит в делах, в канители, но это только дни, а как вечером, так не хочется ни читать, ни готовиться к лекции, а только хочется писать тебе. Хочется говорить тебе, что люблю тебя моя дорогая, что тяжело мне без тебя. Нет нравственного удовлетворения.

Хочется жить одной жизнью с тобой, но не удается и делается так грустно, грустно.

Милая! Как я люблю тебя! Как хочется быть с тобой как хочетсяышать одним воздухом с тобой!

< > Сегодня подал в партию заявление (да будет это только между нами) но в заявлении высказал (заявление в два письменных листа!) что соглашаюсь с программой Партии, обязуюсь исполнять все дела партии, кроме агитации за войну. Высказал мнение Толстого по отношению к войне. Цель такова: по этому заявлению меня наверное не примут, но пусть знают, что я имею коммунистические убеждения. А это может помочь мне в будущем т.е. здесь. Хотя результат не известен. Подрайком отказался от решения такого щекотливого, небывалого обстоятельства! Выходит дело я - коммунист-толстовец, а такой партии еще нет. Подрайкомом передано мое заявление в Губком на рассмотрение. Заявление очень много наделало шума. Интересно что скажет Губком. Боясь как бы не приняли дело в шутку - попадет еще! Знаешь, какое им послание накатал, определенно заявляю что война - есть насилие и что коммунистам как искателям свободы и равенства непростительно заниматься истреблением человеческих жизней. Размазал в два листа. Все удивлены моему красноречию, выразившемуся в этом заявлении. Рад конечно буду, если не примут меня в члены, этим больше выиграю. Тогда напишу тебе результаты. Хотя может это письмо дождется.

Ради Бога прости меня, моя милка. Ей Богу, Нися, это ненамеренно. Все некогда сходить в город, эта проклятая Комиссия. Хотя эта Комиссия помогла мне в том, что через нее я ближе познакомился с главными партийными работниками гарнизона. Как пройдут пражднства и мои впечатления я тебе напишу.

А пока оставайся с Богом.

Крепко целую. Веди себя хорошенько. Знай, что твой Шура тебя любит! Что он живет только потому, что надеется жить для тебя, иначе бы он не пережил всех мук теперешней жизни. Только надежда на счастье будущей жизни с тобой, заставляет терпеть, терпеть.

Прощай - Всегда твой Шура. < >

ГАРО ФП-1 оп.1 д.107 л. 143 - 152

Первое отделение милиции. Г. Рязань, 1924 г.

34-35

КАРДА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

КРУТОЙ МАРШРУТ ВЬЕТНАМА